ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ ИЗЪ КАЗАНИ КЪ СЕЛУ ВЕРХНІЙ УСЛОНЪ.

22-го числа Маія, въ прекраснѣйшую погоду, съ друзьями моими вознамѣрился я осмотрѣть могилу Княгини Меншиковой, находящуюся въ селѣ Услонахъ. Величественная Волга, слившая воды свои съ рѣкою Казанкою, манила насъ пріятною прогулкою. Уже въ 2 часа пополудни находились мы на пристани протока Булака, гдѣ ожидалъ насъ катеръ, а въ 3 часа отправились въ дорогу. Попутный вѣтеръ ускорялъ наше плаваніе: выѣхавъ на открытое пространство водъ, матросы подняли парусъ и легкое судно наше, управляемое иску-

сным лоцманомъ въ нѣсколько минутъ пролетѣло мимо множества плотовъ и грузящихся барокъ; вскорѣ представился глазамъ нашимъ памятникъ, поставленный въ честь убіенныхъ при покореніи Казани воиновъ. Сей скромный монументъ, сооруженный щедротами Августѣйшаго Императора Александра I-го и приношеніями любителей отечественной славы, безмолвный свидѣтель геройскихъ подвиговъ Грознаго Завоевателя Царства Казанскаго, представляетъ собою прекраснѣйшую картину. Построенный въ видѣ пирамиды на небольшомъ холмѣ, окружаемомъ въ сіе время года водою, онъ образуетъ прелестнѣйшій по мѣстоположенію островокъ, въ нѣдрахъ коего собраны грудами кости падшихъ за вѣру и отечество воиновъ.

Проѣзжая мимо его, не могли мы безъ сердечнаго сожалѣнія подумать о непрочномъ основаніи сего зданія, составляющаго славу и красоту нашего города. Вода, въ весеннее время проникая во внутренность выходовъ, гдѣ хранятся кости, повреждаетъ и самый памятникъ. Внутренняя въ оном штукатур-

ка требуетъ почти каждогодной поправки, а по сей самой причинѣ, равно какъ и по недостатку суммъ на исправленіе, служба Божія въ построенной внутри памятника церкви съ нѣкотораго времени не отправляется. Его Сіятельство бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ А. А. Закревскій, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1830 года, осматривая сей памятникъ, нашелъ, что въ стѣнахъ онаго отъ выкрошившейся и вывѣтрѣвшей извести показались насквозныя щели, изъявилъ крайнее прискорбіе о безвременномъ разрушеніи сего зданія, и тогда же склонилъ здѣшнее купеческое сословіе къ пожертвованію значительной суммы на его исправленіе съ тѣмъ, чтобъ оно приняло и впредь на свое иждивеніе могущія встрѣчаться поправки, равно какъ и содержаніе при семъ памятникѣ для надзора за онымъ одного изъ заслуженныхъ раненыхъ Офицеровъ, съ жалованьемъ ему по 500 рублей въ годъ. На сіе пожертвованіе почтенное Казанское купечество согласилось съ величайшимъ удовольствіемъ, чтя память роднаго своего города.

На разстояніи одной версты отъ памятника представилось взору нашему по одну сто-

рону рѣки Казанки село Ягодное, называвшееся нѣкогда *Дворцовымъ селомъ Ягодною поляною,* и принадлежавшее казнѣ. Оно населено нынѣ по большей ч а с т и содержателями юфтяныхъ заводовъ, изъ коихъ многіе составляютъ богатѣйшіе въ Казани капиталы; по другую же сторону простирается Слобода Адмиралтейская съ своими каменными и деревянными строеніями, изъ коихъ многія уже обветшали и обрушились.

Пробираясь на устье Казанки, гдѣ впадаетъ она въ Волгу, намъ надлежало проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ прежде строились и въ сіе время года спускались на воду гальоты, фрегаты и суда бомбардирскія. На сей, такъ называемой здѣсь корабельной верфи, гдѣ находятся еще сленги, шлюзы и обширные кораблестроительные сараи, въ полноводіе все кипѣло дѣятельностію, а нынѣ не слышно ни одного удара топоромъ Адмиралтейскаго плотника. Вотъ одно изъ множества достославныхъ дѣлъ В е л и к а г о И м п е р а т о р а, подумали мы! Мудрый Преобразователь отечества и прозорливѣйшій изъ людей, желая огра-

дить принадлежавшую намъ въ его время часть береговъ моря Каспійскаго отъ нападенія Персіянъ и другихъ народовъ, почелъ за нужное учредишь здѣсь Адмиралтейство, дабы строящіяся на немъ суда, въ полую воду, препровождаемы были по Волгѣ въ море Каспійское. Поводомъ къ учрежденію въ Казани сего полезнѣйшаго заведенія, безъ сомнѣнія, послужило выгодное мѣстоположеніе, изобиліе дубоваго лѣса и дешевизна всякаго рода припасовъ, равно какъ и содержаніе рабочихъ людей. Нынѣ полуразрушенныя, опустѣвшія зданія Адмиралтейства свидѣтельствуютъ о его уничтоженіи, и, можетъ быть, то мѣсто, гдѣ стоялъ домъ, въ коемъ Великій Монархъ подписывалъ строжайшій указъ о порубкѣ лѣса, поросъ травою, или служитъ огородомъ какому нибудь отставному корабельному служителю. Верфь Адмиралтейская, куда почти каждогодно стекалось множество Казанскихъ жителей быть свидѣтелями спуска Фрегатовъ, нынѣ изрѣдка осматривается только немногими любителями достопамятностей: ибо саженяхъ въ 60 отъ берега Казанки подъ особымъ навѣсомъ сохраняется, какъ драго-

цѣнность, галера Тверь, на которой изволила прибыть въ Казань изъ города Твери Императрица Екатерина II и на коей сія чадолюбивая и неустрашимая Матерь Отечества во время жестокой бури, свирѣпствовавшей на Волгѣ, спокойно переводила Велисарія. Вмѣстѣ съ сею галерою сохраняется катеръ, приготовленный для переѣзда чрезъ Волгу Блаженной памяти Императору Павлу I-му. Достопримѣчательно, что сей Монархъ не воспользовался таковымъ приготовленіемъ: ибо, узнавъ о собравшемся для встрѣчи Его на берегу множествѣ народа, переѣхалъ чрезъ Волгу въ другомъ мѣстѣ и на простомъ паромѣ.

На Западномъ берегу Казанки разстилается подгородная деревня Игумново, коей жители также достаточны и имѣютъ клеевые и кожевенные заводы, а далѣе, по Восточному берегу сей рѣки, расположена деревенька Биябалда, что значитъ пять топоровъ. Деревня сія, какъ надобно думать, основана первыми Адмиралтейскими служителями изъ Татаръ, по числу коихъ получила свое названіе. От-

сюда до устья Казанки, гдѣ впадаетъ она въ Волгу, около двухъ верстъ.

Проплывъ сіе пространство, мы встрѣтили величественную Волгу во всемъ ея великолѣпіи, особливо въ весеннее время; сотни судовъ летѣли на бѣлѣющихся парусахъ своихъ и мелькали мимо нашего катера, быстро несшагося къ противоположному утесистому берегу, на скатѣ коего расположены села Услоны, а надъ ними возвышается крутая гора, которая какъ бы *услоняетъ*, или *заслоняетъ* собою Казань отъ полуденныхъ заволжскихъ Губерній. Находясь въ разстояніи отъ Казани по прямой линіи около 12 верстъ, гора сія, или вообще утесистый правый берегъ Волги и самая рѣка сія подали поводъ прежнимъ Географамъ положить Волгу границею между Европою и Азіею и причислить насъ, Казанцевъ, къ народамъ Азійскимъ.

Кстати о правомъ берегѣ Волги. Берегъ сей, покрытый почти на всемъ своемъ протяженіи отъ Казани вверхъ по теченію Волги годнымъ на корабельное дѣло лѣсомъ, достопримѣчателенъ также и постепеннымъ своимъ

возвышеніемъ: по склоненію его къ Каспійскому морю онъ становится возвышеніе; такъ на пр. Услонскія горы имѣютъ отвѣсной высоты надъ поверхностію воды около 50 саж., въ городѣ Тетюшахъ, что ниже Казани на 90 верстъ, около 70 саж., а въ Симбирскѣ, кажется, и еще болѣе.

Въ лѣвой сторонѣ отъ Услона почти по срединѣ рѣки представился намъ *островъ Гостиный*, при видѣ коего Казанская Исторія привела мнѣ на память, что 19-го Августа 1552 года, въ рѣшительную эпоху покоренія Царства Казанскаго, островъ сей занятъ былъ войскомъ Царя Шигъ-Алея, который, бывъ уже союзникомъ нашимъ, вмѣстѣ съ Бояриномъ Морозовымъ и самимъ Государемъ, двинулся противъ надменныхъ и вѣроломныхъ своихъ соотечественниковъ.

Катеръ нашъ быстро присталъ почти къ самымъ строеніямъ села Услоны (разумѣется ближайшимъ къ рѣкѣ): ибо домы, расположенные при подошвѣ горы, въ большое разлитіе понимаются водою, что случилось и въ нынѣшнемъ году. Вышедъ на берегъ, мы рас-

положились въ одномъ крестьянскомъ домѣ, и *священнѣйшая въ мірѣ* рѣка (ну, какъ не скажешь *панегирика* Волгѣ!) предложила отощавшимъ нашимъ желудкамъ сытый обѣдъ, уху изъ вкуснѣйшаго своего произведенія — стерляди, за которую весьма бы дорого заплатилъ разборчивый и лакомый Французъ и даже Русской любитель пресыщенія.

Селеніе Верхній Услонъ заключаетъ въ себѣ болѣе 400 дворовъ. Оно раздѣляется на двѣ части: Западная или низменная часть населена раскольниками, кои для моленія и исполненія требъ обыкновенно пріѣзжаютъ въ такъ называемый близъ Казани *Моленный домъ*, что въ Прилуцкѣ (*). Преосвященный Архіепископъ Филаретъ, во время проѣзда своего чрезъ сіе селеніе въ прошедшемъ году для осмотра своей Епархіи, сколонялъ сихъ отщепенцовъ

(*) Прилуцкъ или иначе стеклянный заводъ находится отъ Казани въ разстояніи на четверть версты. Первое названіе получило сіе мѣсто отъ находящагося при немъ небольшаго озера сего имени, а второе отъ бывшаго здѣсь прежде стекляннаго завода. Раскольничій моленный домъ съ нѣсколькими домиками для жительства раскольниковъ и кладбищемъ, расположены на нѣкоторомъ возвышеніи, не затопляемомъ водою.

отъ православія къ обращенію въ вѣру истинную; но они не вняли его убѣжденіямъ, и на другую же ночь, по отбытіи Архипастыря, часть сего селенія, и именно та, гдѣ живутъ раскольники, какъ бы въ наказаніе, выгорѣла. Атеисты припишутъ это произшествіе случаю, а мы Богу, который управляетъ и людьми и случаями. Западная же, или нагорная часть Услона, гдѣ находится ветхая деревянная церковь (вмѣсто коей строится каменная) заселена православными христіанами. Близость сего селенія къ городу и расположеніе при Волгѣ доставляютъ его жителямъ довольно обширную вѣтвь промышленности продажею своихъ произведеній и содержаніемъ судовъ и барокъ для сплава. Противъ сего селенія 6-го Іюня 1815 года видѣнъ былъ на Волгѣ *смерчь* или *водяной столбъ* — явленіе, рѣдко бывающее на моряхъ, а на рѣкахъ и того рѣже (*).

Въ 5 часовъ послѣ полудня отправились мы на самую вершину горы Услонской. Какой живописный ландшафтъ представился намъ

(*) Явленіе сіе наблюдаемо было Профессоромъ Казанскаго Университета, Броннеромъ. (См. Каз. Извѣс. 1815 года.

съ сего исполина горъ Казанскихъ! На Сѣверо-Восточномъ горизонтѣ разстилалась Казань во всемъ своемъ великолѣпіи, умножаемомъ въ сіе время года разлитіемъ Волги и Казанки. Тогда-то вѣроятіе, что городъ сей получилъ свое наименованіе отъ котлообразнаго мѣстоположенія, утвердилось во мнѣ еще болѣе: ибо дѣйствительно оный въ отношеніи къ окружающимъ его возвышенностямъ представляется лежащимъ въ долинѣ, какъ бы въ котлѣ. Заходящее солнце, отражаясь на вершинахъ куполовъ и крестахъ церковныхъ, придавало Казани неизъяснимую прелесть, а объемъ столь обширнаго города однимъ взглядомъ рисовалъ его въ видѣ Кинето-Зографической Декораціи, одушевляемой плавающими на всѣхъ парусахъ судами. Приникнувъ къ землѣ и соразмѣривъ высоту горъ Услонскихъ съ нагорною частію Казани, мы замѣтили, что самыя высокія зданія, каковы на пр. Башня Сумбекина, колокольни Дѣвичьяго монастыря и Петропавловская, ниже вершины горы Услонской. Обративъ взоръ на Южную сторону, мы восхищены были новою плѣнительною картиною. Предъ нами рисовалась въ

всей простотѣ своей деревня *Печищи*. Налюбовавшись природою, всегда совершенною и новою въ своемъ разнообразіи, напоминавшею намъ неизъяснимую и безпредѣльную премудрость живаго Бога, который

Равно великъ и въ насѣкомомъ
И въ буряхъ, къ намъ ревущихъ съ громомъ
Съ недосязаемыхъ небесъ --

воображеніе наше перелилось, такъ сказать, въ чувство скорби и уныніи при одномъ воспоминаніи о ничтожности и суетѣ человѣческой, когда мы, спустившись съ горы, нашли могилу Княгини Меншиковой, сперва лишившейся, во время ссылки своей зрѣнія (какъ бы для того, чтобы послѣ блеска и пышности не видѣть своего уничиженія), а потомъ умершей около селенія *Вязовыя горы* и погребенной въ Услонѣ. Вельможный страдалецъ читалъ надъ нею молитвы, самъ ископалъ могилу и предалъ здѣсь землѣ бренные остатки своей супруги. Старожилы Услонскіе, по разсказамъ своихъ отцовъ, говорятъ, что когда тѣло Княгини Меншиковой привезено было въ ихъ селеніе, и когда Священникъ спрашивалъ Пристава, находившагося при несчаст-

ныхъ, какъ поминать покойную при отпѣваніи, сей послѣдній отвѣчалъ ему, что нѣтъ никакой надобности спрашивать о происхожденіи и достоинствѣ умершей. Надъ прахомъ ея, и вѣроятно, уже въ послѣдствіи времени, положенъ камень и сооружена была церковь. Но церковь сія давно уже сгорѣла, и во время пожара поверхность камня надъ прахомъ Меншиковой изтрескалась, а потомъ, оставшись безъ всякой защиты отъ воздушныхъ перемѣнъ, во всѣхъ почти мѣстахъ искрошилась. Посему надписи, изсѣченной на сей поверхности, уцѣлѣла самая малѣйшая часть, и мы, при всѣхъ усиліяхъ, могли разобрать только слѣдующія слова:

Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д.....

Любимцы слѣпой Фортуны! Чтобъ имѣть понятіе, что вы будете по смерти, пріѣзжайте въ село Услопы; спросите, гдѣ могила Меншиковой, и васъ поведутъ на Священническій погостъ, или огородъ, гдѣ между полынью и крапивою укажутъ вамъ камень, покрывающій бренный остатокъ земнаго величія.

Такъ на свѣтѣ все превратно, подумали мы! Сколько разъ непостоянная Фортуна смѣялась надъ слабостію смертнаго, надъ усиліемъ кичливаго его разума, надъ суетою самонадѣяннаго высокомѣрія человѣка, который во всѣ времена и вездѣ былъ игрушкою непостоянnаго рока! Раскроемъ древнюю и новую Исторію — и сколько взору нашему представится самыхъ поучительныхъ примѣровъ ничтожности человѣческой; но одного сѣмейства Князя Меншикова достаточно къ удостовѣренію въ сказанной истинѣ. Рожденный въ бѣдности и ничтожествѣ, найденный прозорливостію Великаго Петра, возвышенный на степень первѣйшаго вельможи, довѣренный, или лучше сказать, другъ Императора, Меншиковъ возмечталъ, что нѣтъ уже никакой преграды любочестивому его стремленію, и по смерти своего Царя—Благодѣтеля покушался вступить въ родство съ вѣнценосцами Россіи; но палъ, какъ грозный исполинъ съ высоты своей славы, или изчезъ, какъ метеоръ, на одно мгновеніе ослѣпившій глаза зрителей своимъ сіяніемъ—и умеръ (Нояб. мѣсяц. 1729 года) въ Березовѣ—далеко, далеко отъ мѣста славна-

го своего поприща, а будущая теща Императора Петра II-го не удостоилась даже и того, чтобъ при отпѣваніи пѣла нарекли ее Княгинею. *Sic transit gloria mundi!*

Ры ..... нъ